

скорбен еси и ненадежну такову службу повелеваеши нужну?» — Понеже море не очистилося ледом, зелне належащим, и всем спроста отрицающимся такового начинания» (л. 32—32 об.). Игумен говорит, что на Шужмуе «православнии христиане в велицей беде страждут». «Мне же, Савватию, — продолжает рассказчик, — уязвися сердце о игуменском послании, и не рех того никому, точию прииде мне желание не преслушатися игумена». Через некоторое время Савватия с другим монахом игумен послал по монастырским делам в Вирму (монастырское село на реке того же названия вблизи Белого моря). Сообщив о якобы увиденном им небесном знамении перед отплытием с Соловков, которое напомнило ему «игуменское заповедание», Савватий рассказывает дальше: «...начахом плыти по морю. Ветру же нам погодну сушу. Прибегохом к некоей луде²² посреде моря, место же то зовомо Габ-луда, от Шужмоя острова яко 15-ть верст. Ту же и пристахом» (л. 32 об.). На Губ-луде Савватий и его спутник Ферапонт заночевали «и возгнетихом себе огонь зимняго ради стужения, яко же бысть нош. Аз же возлегох ко огню плечима, не спящу ми, токмо согревающуся, а брату Ферапонту в судне почивающу». Здесь Савватию привиделся какой-то человек, который спросил его, поедет ли он на Шужмуй. Савватий ответил, что поедет, если бог повелит и благословят святые Савватий и Зосима. Тогда этот таинственный незнакомец говорит: «Бог тя благословит, поеди», — и исчезает. На другой день Савватий с Ферапонтом благополучно прибывают в Вирму и исполняют порученное им дело. Савватий «начах живущих ту вопрошати, есть ли каковы люди зимовники в Шижмоем острове. Они же поведаша: „Судно, рече, разбило тамо еще с перевозимия“». На обратном пути, несмотря на возражения попутчика, Савватий заезжает на остров Шужмуй. «Начахом же по острову ходити с великою нуждою, снегу зело велику сушу... Потом же обретохом в некоем месте при камени храмину малу, в ней же два человека нага и гладни, и ногам их гниющим зело, токмо еле живым сущим. И яко же узреша нас, абие начаша кричати елико могуше» (л. 33 об.). Эти люди рассказывают своим спасителям, что к ним, пока они зимовали на острове, приходили два монаха, называвшие себя Савватий и Зосима, и помогали переносить все тяготы зимовки; что были они и вот сейчас, перед самым их приходом, и сказали, что скоро к ним придут спасители. Когда поплыли с Шужмуя, то ладью начали затирать льды. «Брат же, иже со мною бе Ферапонт, начат на мя роптати о взятии больных». Но вот во льдах образовался проход, и мореходы благополучно достигли монастыря.

И в двух других чудесах, рассказанных Савватием, рисуются яркие случаи из его приключений на море. Описывается «буря вельми велика», когда в судне, на котором он плыл, сломало мачту, разорвало парус, волнами весла «из рук избиша», «волны же подобны горам восходяху на нас, нам же отнюд живота отчаявшимся» (л. 35 об.). Он рассказывает о случае, когда не послушавшиеся его совета попутчики не оттащили подальше от берега ладью, весла и дрова (дело произошло ранней весной, и ночью пришлось заночевать на небольшом каменном островке) и водой весла и дрова унесло в море. К счастью, потом их прибило волнами к этому же островку, и мореходы смогли плыть дальше.

Среди чудес середины XVI в. большой интерес представляет рассказ «О человеце, плавающем на соловарном црене,²³ именем Андрее». «В лето

²² Лудой в Беломорье называется небольшой каменный остров, группа камней и скал в море.

²³ Црен — плоский железный ящик для варки соли.